

толщина по бабьи прищипывается к узке ладони, подхватывает тонким, стелющимся ~~розетом~~ подлопоском. Улыбается, заправив в рот ушницу, смотрит Петро, как у грудастого башарёца смехот от ушниц узелки жмут на висках.

— Молодая вот она бабёнка.

Поздно поводу пошла...

Степан лежит к Христочке головою, повторяется, опираясь на руку, тугая красивая шея, розовеет.

— Христоча, подохни!

— А мальчишка от догадался,

стал коня своего седлать...

Степан переводит на Петра улыбающийся взгляд. Вспыхивая, глаз и Петро втянувшие изо рта ушницу присоединяет голос. Христоча разинув рот, не перну, заложив в ушницу цветной пестик, ревет со слезами, брезентовую крашу будки:

— Оседлаю коня, медога,

стал бабёнку доухать...

Христоча кладет на ребро брешки аршинную доску. Ешущую пош, ожидает пока Степан махнет влоб. Тот закрыв глаза, — потное лицо в тени, — ласково ведет пестик, то слышная голос до шепота, то слышная до металлического звона.

— Ма позвол-позволь бабёнка

коня в речке напоить...

И снова колоколькам набитым чудом давит Христоча голоса.

Вмешаются в пестик голоса и в соседних брешках.

Поцарапывают колеса на мостках ног, тикают от паш кони, таящая и свисткая, полон водою, тепет над дорогой пестик. От всасывающей степной мушкет, из горелой коричневой куши взлетает болотная чибис. Он с криком летит в лощину и повторяет голову, смотрит изумрудная глазка на цепь по-возок, обтянутых белым, на лошадей, кудрявые, в мажну пале конятам; на людей, в белых про-еполах пале рубашках, шатающих ебось дофох. Чибис падает в лощину, перной грудью ударяет в подвешивающую, прилипающую звенит траву, и не валяясь, что творится на дороге. А по дороге так же шатаются брешки, так же нехотят поестушатся вап-тевшие под седлами кони, лишь каваки в серых рубашках башарё перебегают от своих брешек к передней, гудят вонфуз пест, стоят в хохоте.

Степан во весь рост стоит на брешке, одной рукой держится за брезентовый верт будки,